

Валентин Богатырев: «Центральная Азия рано или поздно будет делать свой выбор, но он будет разным для всех пяти стран»

Валентин Богатырев: «Центральная Азия рано или поздно будет делать свой выбор, но он будет разным для всех пяти стран»

12.07.2012

«ЦА – разбегающийся регион. Разбегание детерминируется не только этноментальными различиями и вызванным ими выбором различных внутренних моделей организации жизни, но и разнонаправленностью внешнеполитических векторов», – сказал в своем выступлении на Круглом столе IPP 12 июля 2012 года на тему «Центральная Азия: в поисках своего пути» Валентин Богатырев, руководитель аналитического консорциума «Перспектива».

Есть два пространства, в которых надо рассматривать происходящее в Центральной Азии в контексте внешнеполитического влияния. Это пространство геополитических процессов, в той или иной мере захватывающих Центральную Азию и пространство внутренних процессов в самих странах Центральной Азии.

Есть целый ряд причин, по которым постсоветская Центральная Азия находится в сфере интересов и, соответственно, в пространстве реализации ряда глобальных и региональных проектов.

Три из них – очень важные.

Прежде всего, конечно, это энергетические и сырьевые ресурсы, которыми располагают находящиеся здесь страны.

Вторым я бы назвал геополитическое расположение, важное с точки зрения подъездных или транзитных путей для некоторых проектов других стран.

И третье обстоятельство – мусульманское население, причем инкорпорированное или находящееся на границе с другими конфессиональными ареалами.

По большому счету, эту территорию затрагивают только два глобальных проекта.

Во-первых, это то, что я бы назвал американским «крестовым походом», или освоением Америкой остального мира.

Здесь пока было два этапа. Период, назовем его «принудительной демократизации», ну или «продвижения демократии», как хотите. Этот период практически закончился по двум причинам. Во-первых, он не имел особого успеха. Собственно Кыргызстан пока единственная страна, которая более-менее усвоила американские уроки, но и то, главный ученик – президент Акаев до сих пор проклинает своих учителей. А во-вторых, проект демократизации стал своего рода жертвой второго периода, когда Центральная Азия для США нужна была в качестве подъездных путей к Афганистану. Причем мы видели и видим, что ради этой новой

задачи, американцы даже полностью закрыли глаза на то, а что собственно происходит с демократией в этих странах.

Второй глобальный проект – товарно-ресурсная китаизация Центральной Азии. Причем, здесь Центральная Азия играла три роли. С одной стороны – источник ресурсов, с другой – рынок для китайских товаров и с третьей – западные ворота из Китая в Россию, Европу и так далее.

Этот проект существенно более успешен, чем американский и экономически более привлекателен для стран Центральной Азии. Посмотрите, в рамках его практически все страны получили различные «пряники». Туркменистан и Казахстан – смогли выйти на новый и громадный рынок энерго- и других ресурсов, диверсифицировать свой экспорт, фактически получили «трубопроводную независимость», если это можно так назвать. Все страны Центральной Азии получили доступ к инвестиционным и кредитным ресурсам Китая, что сейчас исключительно важно, поскольку идет перманентный глобальный финансовый кризис и деньги есть, по большому счету только в Китае.

Ну и китайские товары и торговля ими сегодня наиболее крупный, можно сказать, основной ресурс потребления и экономической деятельности населения. Во всяком случае вся кыргызская экономика, если это можно, конечно, назвать экономикой, выжила за счет китайских товаров.

Очевидно, что в ближайшие годы именно китайская экономика будет определять тренды экономического развития стран Центральной Азии. Так что нам надо говорить, конечно, по кыргызски, но всерьез учить китайский язык.

Наряду с этими двумя глобальными проектами существуют еще, как минимум, три, которые напрямую касаются стран Центральной Азии и влияют на ситуацию здесь.

Начнем с европейского проекта. Вы знаете, что во время председательства Германии он даже обрел формальный статус в виде центральноазиатской стратегии Евросоюза. На мой взгляд, в политическом или экономическом смысле это все-таки периферийная область более широкого явления: американо-европейской конкуренции. Европа ищет пути собственной глобализации и Центральная Азия не более чем одна из площадок для этого.

Но для нас есть один совершенно другой смысл и значение в европейском присутствии в Центральной Азии, который, на мой взгляд, более важен, чем экономической или военно-политическое присутствие. Это культурно-цивилизационный аспект. Страны Центральной Азии в рамках советского проекта двигались все-таки в европейской культурной парадигме. В этом смысле фактически границы Европы были здесь: на границах с китайской цивилизацией, с персидской, исламским миром. С точки зрения будущего Центральной Азии сейчас проходится своего рода критическая точка, когда будет получен ответ на вопрос: мы останемся в этой европейской культурной системе или уйдем в другую, мы будем ходить в костюмах или наденем дишдашу.

Россия и Центральная Азия – это, конечно, очень важная тема. Трудно сказать, кто кому более важен. Существует целый клубок вопросов, который делает российско-центральноазиатское взаимодействие исключительно важным.

Проблема состоит в том, что российская политика по отношению к Центральной Азии рассматривается в самой Центральной Азии, причем во всех странах без исключения и независимо от того, что говорят их лидеры публично, как неокOLONиальная. Россия дает для этого достаточно оснований. Начиная с заявлений о том, что это сфера российских интересов. Причем под этим понимается определенный смысл: Центральная Азия – это российская вотчина. Вот попробовали бы о Европе сказать как сфере российских интересов, хотя это тоже, конечно, сфера интересов...

Обратите внимание, как назван еще продвигающийся проект Виктора Иванова, руководителя российской антинаркотической службы: Корпорация по развитию Центральной Азии. И он прямо говорит: это наш инструмент для деятельности в регионе. Правда добавляет: «к совместной выгоде России и центральноазиатских стран». Кто-то при этом спросил сами страны Центральной Азии: примут ли они этот инструмент.

Или Таможенный союз, в который загоняются Кыргызстан и Таджикистан. В Казахстане практически все независимые эксперты полагают, что Таможенный Союз невыгоден для этой страны. Так же как считают и наши независимые эксперты. (Таможенный союз: новые аргументы на старые вопросы. Сапар Орозбаков). Все прекрасно понимают, что это не экономический, а политический инструмент. Как и все постсоветские межгосударственные объединения. Все они имели исключительно политическую природу. Никаких новых типов или форматов экономических, культурных связей он не содержали и не содержат. Был и есть только один экономический инструмент в этих «союзах» – цена на нефтепродукты, на газ. Если бы не российские ценовые льготы, никого в этих объединениях давно бы не было. То есть Россия фактически покупала возможность иметь такие инструменты влияния как СНГ, ОДКБ, ЕвразЭС и так далее.

Правда, называют еще один инструмент влияния – трудовых мигрантов. Но я думаю, что это блеф. Трудовые мигранты возможны и существуют только потому, что они нужны в самой России. И во-вторых, если Россия закроет возможность миграции, то будут освоены другие рынки трудовых ресурсов, куда попасть, конечно, сложнее, чем мексиканцам в США, но когда не будет выхода – попадут. Да и против возможных российских антимигрантских мер давно уже существуют способы защиты. Большая часть скажем, киргизских мигрантов уже давно имеют российские паспорта, и никто их никуда не выгонит.

Вообще говоря, некоторый ренессанс постсоветского межгосударственного взаимодействия, случившийся за последние три-четыре года – это явление временное и пик его уже позади. Мы видим каждый день тому сигналы. И из Туркмении, и из Таджикистана и из Кыргызстана, не говоря уже об Узбекистане.

Ну и несколько слов об исламском проекте. Он имеет как бы три уровня. Первый – это официальный ислам, Здесь продвижение осуществляется через конфессионную инфраструктуру: мечети, подготовка кадров, хадж и так далее.

Вторая линия – на мой взгляд, наиболее активная – исламские течения нетрадиционного толка. Это очень важный феномен и очень важный канал продвижения исламского мира. При этом здесь есть как маргинальные движения и группы, так и течения, претендующие на государственный или национальный характер, как ханавизм в Таджикистане или салафизм в Казахстане.

И третий уровень – радикальные группы исламского толка, которых очень много. Существует несколько причин их появления,

в том числе как внутренние самих стран Центральной Азии, так и внешние.

В исламском проекте сами страны Центральной Азии не являются центральной линией, но они важны как площадка возможного расширения исламского мира и как пограничная линия для выхода в другие зоны. Ну, в этом смысле Европа является гораздо более важной точкой для исламского проекта. Поэтому я не думаю, что нам следует ожидать каких-то резких действий, но следует понимать, что будет такая длительная медленная исламизация. Это уже такие поколенческие изменения.

Я придерживаюсь той, достаточно редкой сейчас в геополитологии, точки зрения, что судьбу стран, в том числе и самых малых, определяют они сами. Это в полной мере касается и особенно хорошо видно на судьбе стран постсоветской Центральной Азии.

Конечно мировая, региональная и мегарегиональная геополитика предлагают определенные условия и предъявляют определенные вызовы для тех или иных стран. Но принимать или не принимать эти условия, и в каком формате, так или иначе реагировать на внешние вызовы – это, за исключением стран-колоний, исключительная прерогатива народов и национальных правительств.

В Центральной Азии пока еще нет стран-колоний. Поэтому, чтобы понять, что происходит и каковы тренды, а значит и какое будущее ждет центральноазиатские страны, надо посмотреть, что творится в самих этих странах, какие базовые процессы идут и как они инструментируются и интерпретируются самими странами и

внешними наблюдателями.

Так вот, можно сказать, что во всех постсоветских центральноазиатских странах идет один и тот же процесс, который определяет, правда по-разному, с некоторыми, порой существенными, отличиями, всю сегодняшнюю и завтрашнюю ситуации.

Характерными атрибутами этого общего процесса являются:

(1) Отсутствие, либо подражательный характер проектирования собственного будущего. Ни в одной из стран нет реальных собственных, а не фиктивно-демонстрационных, либо модернизационных программ развития.

(2) Приватизация ресурсов через приватизацию власти. Это вообще наиболее важный процесс, мотивирующий всю политику, содержание экономических трансформаций и моделей, а также культурно-нормативные системы. Суть его в том, что все общенациональные ресурсы либо напрямую, либо через управление ими посредством власти, да и сама по себе власть становятся частными.

(3) Государство и национальная идентичность как инструменты контроля территорий и ресурсов. Сама идея государственности, этнической идентичности используется главным образом как инструмент контроля территории и ресурсов, а не как инструмент развития.

(4) Внешняя политика как стратегия паразитизма или торговля ресурсами. Целью внешней политики и ее желаемым результатом является не партнерство или сотрудничество в интересах развития, а получение бесплатных или дешевых ресурсов для

проедания .

(5) Квазидемократия как маска кланократии. Во всех странах установились режимы кланократии, которые с той или иной степенью изощренности маскируются под демократические

(6) Культурная деградация за фасадом культурного национализма. Везде демонстрируется культурный национализм и везде идет процесс культурной деградации, который проявляется в очень многих феноменах, начиная с языкового шовинизма, деградации национальных систем образования и кончая развалом традиционных нравственных оснований наций.

Вот это основные вещи, основные процессы, которые идут во всех странах постсоветской Центральной Азии, без исключения.

Есть все основания полагать, что нынешнее положение сохранится недолго.

Во-первых, завершается период первоначальной трансформации государств и обществ Центральной Азии. Системными признаками приближающегося кризиса являются:

- вторая, а в Кыргызстане, уже третья фаза борьбы за контроль над национальными активами и ресурсами,
- резкое обострение изъянов национальных экономик в результате глобального экономического кризиса,
- истощение ресурса прежних систем управления,

– нарастание социальной нестабильности.

Второе обстоятельство – вступление в активную фазу противодействия внешних центров сил на центральноазиатской геополитической площадке. События и процессы, свидетельствующие об этом: войны трубопроводов, Таможенный союз России и Казахстана, в который загоняются Кыргызстан и Таджикистан, противостояние военных баз, новая «исламская» экспансия, провоцирование межэтнических и межгосударственных конфликтов.

Третий фактор грядущих изменений – процесс обретения идентичности народами и странами Центральной Азии. Кризис подражательных или консервативных моделей развития, на который шла ориентация в первые десятилетия независимости, породил процесс мощного национального самоопределения. Идет поиск экономических моделей, исторических реконструкций, собственных идеологических, в том числе религиозных моделей.

Все это означает, ближайшие годы нам предстоит:

– смена систем политического и государственного управления в сторону расширения их зависимости от общества, усиления гражданского влияния и контроля, модернизации и профессионализации самих государственных аппаратов управления.

– смена политических и управленческих элит в странах Центральной Азии, выход на арену нового поколения политиков и управленцев, имеющих преимущественно западные ориентации, и в то же время обладающих большей степенью независимости от идеологических стереотипов, прагматичных, ориентирующихся на национальные интересы.

– формирование специфических национальных экономик, ориентированных на ресурсопереработку и торгово-посреднические функции в мегарегиональном распределении труда. Рост трудовой миграции в страны с более высокой стоимостью рабочей силы.

– нарастание тенденции укрепления культурного суверенитета, национализма, с возможным обострением как внутригосударственных, так и межстрановых этнических отношений.

– снижение роли и значения существующих межгосударственных формирований: ОДКБ, СНГ, ШОС, Таможенный союз.

Я уже называл несколько лет назад Центральную Азию разбегающимся регионом. Важно отметить здесь две стороны: разбегание детерминируется не только этноментальными различиями и вызванным ими выбором различных внутренних моделей организации жизни, но и разнонаправленностью внешнеполитических векторов.

То есть Центральная Азия рано или поздно будет делать свой выбор, но он будет разным для всех пяти стран и он будет самостоятельным.

Я не вижу впереди успеха у инициированных извне попыток хаотизации, деструкции государств в этой части света. Да, можно создать немало проблем для стран Центральной Азии, скидывать те или иные правительства и президентов, но здесь за счет многостороннего воздействия на геополитическую площадку образовался некоторый тип устойчивости. Это как с вопросом об американской базе. Тем, кому она нравится или не нравится, можно не беспокоиться. База будет, поскольку она является

системным элементом более глобальной устойчивости. И если политики Кыргызстана в силу своих амбиций или по другим соображениям уберут ее отсюда, то она появится в Ульяновске, Навои, Душанбе или где угодно еще, но уже без пользы для этих кыргызских политиков и просто проплаченных крикунов.

Точно также нравится кому-то или нет существование центральноазиатских республик в нынешнем виде, но никакого развала их не будет.

[Вернуться на главную](#) / [Версия для печати](#)